

При всем остроумии доводов А. Н. Насонова приходится, однако, констатировать, что кроме приведенного глухого указания устюжского летописца в памятниках не сохранилось решительно никаких данных, которые подтвердили бы причастность Александра Невского к народным волнениям 1262 г. Что же касается позднейших народных восстаний против татарских насильников, то они происходили без всякого участия и содействия со стороны князей и бояр, а подчас при их прямом противодействии. «В то время, — пишет Б. Д. Греков, — когда народная масса выражала свой протест против нового гнета, пришедшего к ней вместе с татарской властью, боярство и князья помогали татарам, не без основания надеясь сохранить и упрочить таким путем свое привилегированное положение».⁶

Что касается широких народных масс, то отношение их к татарской власти получило достаточно яркое выражение в былинном эпосе. Как известно, центральной фигурой этого эпоса является русский богатырь, прямой, честный, неподкупный герой, зорко стоящий на страже родной земли, охраняющий ее от набегов злых недругов, готовый в любую минуту умереть за родину, чуждый всякого пресмыкательства перед чужеземными насильниками, далекий от всякого компромисса с ними. Особенно много трудов приходится тратить былинным героям на борьбу с вторжениями кочевников. «Борьба со степным кочевником, — пишет В. О. Ключевский, — половчином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVII века, — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его памяти и наиболее ярко выразившееся в его былевой поэзии».⁷ «Об отношении народа к татарскому игу, — добавляет Б. Д. Греков, — можно сказать сильнее, чем сказал Ключевский. Все „степные кочевники“ ступевались здесь и уступили одному образу — татарского хана и его подручных. Татарская власть запечатлелась в памяти народной настолько глубоко, что в наших былинах вместо тех или иных врагов, с какими приходилось сталкиваться русскому народу на протяжении многих веков его истории, везде называются одни „татаровья“, олицетворением которых является царь Калин, нередко выступающий под именем Батыя Батыевича, иначе Бутыги».⁸

В этой связи хочется остановиться на одной былине о Батые, где описывается приход грозного татарского хана к Киеву. Вопреки исторической достоверности, осада Батыем Киева приурочена ко времени Владимира Святославовича. Впрочем, в этом смещении эпохи есть свой смысл, ибо в представлении народа только тогда, когда Русская земля была едина, она могла давать отпор самым опасным врагам. Под Киев Батый пришел с сыном Батыем Батыевичем, с зятем Тараканником Каранниковым «и с думным дьяком вором-выдумщиком». У каждого из них было по 40 тысяч человек рати. Батый потребовал от князя Владимира супротивника-поединщика, но у Владимира все знаменитые богатыри — Илья, Самсон, Святогор, Добрыня, Алеша — оказались в разъезде. В Киеве остался один только добрый молодец Василий Игнатьевич, горький пьяница, не выходящий из кабака, промотавший все свое имение и приданое жены. Услышав о требовании Батыя, он приходит к Владимиру и просит дать ему опохмелиться. Выпив чару в полтора ведра, Василий почувствовал, что может сидеть на коне и владеть саблей. Он выехал за городские ворота и, нацелившись, тремя стрелами убил сына Батыя, его зятя и «дьяка-выдум-

⁶ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 227—228.

⁷ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I. М., 1918, стр. 73.

⁸ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 256—257.